

Н. М. ХАРЛАМОВ

Трудная миссия

<Фрагменты>

<...>

Летом и осенью 1941 года происходило сближение с движением «Свободная Франция», которое возглавил генерал Шарль де Голль, находившийся в Лондоне. Хотя это движение и не представляло всех антифашистских сил Франции, но это была единственная легальная организация французов, которая боролась на стороне союзников против Гитлера и находилась не на оккупированной врагом территории. Де Голль выразил желание установить прямой контакт с Советским правительством и обменяться представителями, что нашло положительный отклик у советских руководителей. В сентябре 1941 года на этот счет в Лондоне состоялись переговоры, в результате чего правительство СССР официально признало Национальный комитет «Свободная Франция» (с июля 1942 года — «Сражающаяся Франция»).

<...>

Колоритной личностью лондонской эмиграции был, конечно, де Голль. Даже внешне он выглядел приметно: высокого роста, массивный, с гордо посаженной головой и умными, проницательными глазами. Этот человек упорно шел к своей цели.

Де Голль мне запомнился особенно хорошо, так как бывал частым гостем нашей миссии. Да и обоих посольств.

Он искал нашей поддержки, поскольку понимал, что только совместно с Россией (иначе он не называл Советский Союз) дорога его сердцу Франция сможет одержать победу и, освободившись от позора поражения, обретет свое былое величие. Он охотно делился своими горестями с русскими еще и потому, что

далеко не всегда встречал взаимопонимание со стороны англичан и американцев.

Я уже говорил, что далеко не все, даже самые проникательные, военные и государственные деятели Европы верили в конечную победу Советского Союза. Де Голль верил с самого начала. После нападения Гитлера на Советский Союз он предпринял решительные шаги, чтобы установить контакты между «Свободной Францией» и Советским правительством. Его представитель в Турции Жеро Жув навестил нашего посла в этой стране С. Виноградова и заявил, что де Голль хотел бы направить в Москву двухтрех своих представителей. Дело в том, заявил Жув, что, по мнению генерала, у Советского Союза и Франции, как у континентальных держав, много общих интересов, отличных от англосаксонских стран.

Я присутствовал на встрече И. М. Майского с де Голлем 27 сентября 1941 года. Де Голль вошел в кабинет советского посла, как всегда, очень сосредоточенный. В кабинете стало как бы тесновато от его массивной фигуры.

И. М. Майский вручил генералу письмо, в котором говорилось, что правительство СССР признает его «как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились, готово оказать им всестороннюю поддержку и обеспечить после победы полное восстановление независимости и величия Франции».

Де Голль был явно взволнован. Незадолго до этого он, будучи осведомлен о благосклонном отношении к нему русских, создал Французский национальный комитет под своим председательством. Члены этого комитета обладали, по существу, правами министров. А сам комитет представлял собой как бы временное правительство. Таким образом, дальнейшая успешная деятельность де Голля оказалась возможной благодаря энергичной поддержке Советского правительства.

Англичане не отказывали де Голлю в материальной и моральной поддержке, но с признанием его как главы законного правительства Франции не торопились. И это выводило генерала из себя.

Как бы желая компенсировать свои неудачи на Западе, де Голль активизировал дипломатические усилия на Востоке. <...>

Как-то генерал пришел в советское посольство и сообщил, что он намерен направить в распоряжение Красной Армии одну из дивизий, находившихся в Сирии.

— Англичане не умеют командовать механизированными соединениями, заявил он.

Мы с Майским промолчали.

— Учитывая сложившуюся обстановку, — продолжал де Голль, — я предпочитаю помогать России, а не Великобритании.

Посол сказал, что он доложит своему правительству.

— Тут, видите ли, в чем дело, — сказал мне Майский после ухода генерала, — де Голль уже предлагал свои силы английскому командованию на Ближнем Востоке. Но имперский генеральный штаб не согласился... Хотя в Ливии англичане готовят наступление. В общем, наши союзники не очень-то верят в генерала... Они прячут от него спички, которыми можно разжечь костер...

Мы запросили правительство и получили благоприятный ответ. Я пошел в имперский генштаб и сообщил, что 2-я французская дивизия в скором времени отправится на Кавказ. Начальник генштаба попросил время, чтобы проконсультиться с правительством. Дело кончилось тем, что англичане, даже не уведомив нас, направили 2-ю дивизию в Ливию.

Мы этого ждали. Де Голль был не против использовать нас в качестве пресса, который мог выдать из английского правительства удобное ему решение.

Не веря, что его британские и американские друзья окажут ему необходимую помощь, де Голль полагался главным образом на русских. Он сам говорит об этом в своих мемуарах.

Признаюсь, поначалу я относился к де Голлю осторожно. Пусть поймет меня правильно сегодняшний читатель.

Да, Советское правительство признало его. Да, это был патриот Франции. Но мало ли в то время было людей, выдававших себя за патриотов, а на самом деле преследовавших узкоэгоистические цели. Но вот как-то я включил приемник и услышал его взволнованный голос (это было в дни разгрома немцев под Москвой): «Нет ни одного честного француза, который не приветствовал бы победу России». В этих словах чувствовалась искренняя вера. Да, в лице генерала де Голля мы имели дело с настоящим, последовательным и непримиримым борцом против фашизма.

<...>

